

УДК 94 (3)

DOI 10.25688/2076-9105.2019.33.1.10

Ф. А. Михайловский

Октавиан в октябре 44 г. до н. э.: набор войск *privato consilio*

Статья посвящена событиям осени 44 г. до н. э., которые император Август рассматривал как начало своей политической карьеры, когда он по собственной инициативе и на частные средства (*privato consilio et privata impensa*) набрал войско и вступил в борьбу с консулом М. Антонием. Автор выясняет ближайшие причины этой известной авантюры.

Ключевые слова: Октавиан; Марк Антоний; принципат.

В один из октябрьских дней 44 г. до н. э. из Рима выехал кортеж во главе с Октавианом, внучатым племянником и, согласно завещанию, приемным сыном Цезаря. Его сопровождали близкие друзья, множество слуг, рабов, центурионов и солдат. На вьючных животных везли деньги и другое имущество (Nic. Dam. Vita Caes. 133). Октавиан, которому совсем недавно исполнилось 19 лет, отправился в Кампанию набирать (фактически: покупать) собственное войско. По словам его биографа, Николая Дамасского, Брут и Кассий, главари заговорщиков, убивших Цезаря, узнав, сколько народу выехало из Рима с наследником диктатора, в страхе бежали через Адриатическое море: Брут — в Грецию, Кассий — в Сирию (Nic. Dam. Vita Caes. 135)¹.

Перед отъездом Октавиан успокоил мать, сказав, что будто едет продавать имущество приемного отца, чтобы «собрать деньги и использовать их на завещанные отцом дела» (Nic. Dam. Vita Caes. 134; перевод Е. Б. Веселаго). Но дело было не только в заботе о матери: подлинную цель похода до некоторых пор не стоило афишировать. Октавиан решился на опасную авантюру: он отправился в Кампанию, где приступил к набору войск из числа ветеранов Цезаря, будучи частным лицом, не имея на то полномочий, по личному побуждению (*privato consilio* — R. g. 1, 1; Vell. Pat. II, LXI, 1). И что еще хуже: он открыто выступил против законной власти в лице консула М. Антония (этого не может скрыть даже его почти что официальный биограф Николай Дамасский:

¹ Данное утверждение лишь забавным образом подчеркивает значительность октавианова кортежа, но является ошибочным. В действительности Брут и Кассий покинули Италию еще в конце августа [6: с. 136; 10: с. 36]. В октябре Брут был в Афинах, а Кассий прибыл в Сирию в конце года [4: с. 406]. К тому же бояться им было нечего: Октавиан, как показали ближайшие события, переметнулся на их сторону.

Nic. Dam. Vita Caes. 131; особенно 138–139). Не удивительно, что Веллей Патеркул, также апологетически настроенный по отношению к Августу его младший современник, предпочел изобразить дело так, будто он вовсе не выезжал для набора войск, а просто вызвал ветеранов Цезаря из кампанских городков в Рим (Vell. Pat. II, LXI, 2).

Однако сам Октавиан Август не только не скрывал, что у него не было конституционных полномочий для набора войска, но и, напротив, ставил себе в заслугу эту частную инициативу. «Деятнадцать лет отроду по собственной инициативе и на частные средства (*privato consilio et privata impensa*) я набрал войско, с помощью которого вернул свободу государству, попоранному кликой» (R. g. 1, 1; перевод А. И. Немировского) — так начинается знаменитый памятник «Деяния божественного Августа», политическая автобиография основателя принципата. Иначе говоря, Август считал это событие началом своей политической карьеры. Тем не менее современные исследователи оценивают его действия как неконституционные, по сути, как мятеж против законной власти (см. впечатляющий список отечественных и зарубежных авторов в работе А.Н. Токарева [11: с. 101, сн. 96]).

Авантюра Октавиана действительно привела его в дальнейшем к невероятному успеху, но на первых порах обернулась полным провалом. Набрав плохо вооруженное воинство — не то 3 тысячи (Cic. Att. XVI, 8, 2), не то 10 тысяч (App. B. c. III, 40) человек, — он засыпал Цицерона письмами, добиваясь встречи с ним и спрашивая совета, что делать дальше (Cic. Att. XVI, 8, 1–2; XVI, 9, 1; XVI, 11, 6). В соответствии с советом Цицерона он привел свое войско в Рим, где на сходке, созванной плебейским трибуном, в довольно противоречивой речи довел до сведения всех своих воинов, что они идут воевать против законной власти — консула Антония и строевых легионов (App. B. c. III, 41). В то время как они думали, что их ведут мириться с Антонием и мстить убийцам Цезаря. После этого воинство Октавиана большей частью разбежалось (App. B. c. III, 42), с оставшимися он был вынужден спешно покинуть Рим, к которому уже двигался консул Антоний во главе V легиона Жаворонков (Cic. Att. XVI, 8, 2). Октавиан переместился в район Арреция, на родину своего близкого приятеля Мецената, где продолжил набор войска (App. B. c. III, 42).

Октавиан, до этих пор позиционировавший себя как сын и законный преемник Цезаря, готовый в полной мере отомстить за убийство своего «отца», переметнулся в другой лагерь, протягивая руку помощи одному из главных убийц — Дециму Бруту. При этом он выглядел, скорее, мятежником, чем героем, так что на первых порах не дождался ожидаемой им поддержки ни от сената, ни от Цицерона (сенат не собрался, Цицерон в Рим не прибыл). Положение было скверным.

Авантюрные действия Октавиана, послужившие прологом к новой гражданской войне, в отечественной историографии специально не рассматривались. В фундаментальных трудах по истории принципата Августа о самочинном

наборе войска в октябре – ноябре 44 г. до н. э. и переходе на сторону сената лишь упоминается. Так, Н. А. Машкин, излагая события 44 г. до н. э., всего лишь констатировал двумя предложениями факт отъезда Октавиана в Кампанию [6: с. 148], а кроме того, во второй части своего труда, изучая античную историографию принципата, проанализировал само выражение *privato consilio* в «Res Gestae» и у ряда древних авторов ([6: с. 323]; недавно этот вопрос рассмотрела О. В. Любимова [5: с. 242–246]). Другие исследователи, писавшие о событиях в Риме после убийства Цезаря, совсем не затронули этот сюжет [3: с. 77; 4: с. 406; 7: с. 135; 8: с. 166; 13: с. 380; 11: 101]. Даже в специальных очерках по истории внутривосточной борьбы того времени содержатся довольно беглые оценки этих событий [9: с. 109; 10: с. 16; 1: с. 136–137]. Дело в том, что исследователи смотрели на события, происходившие в Римской республике после гибели Цезаря, более масштабно, не останавливаясь на деталях.

При этом общая оценка ситуации давно сделана, многократно повторена и не вызывает сомнений. За несколько месяцев, прошедших после убийства Г. Юлия Цезаря, внутривосточная борьба неуклонно развивалась в сторону перерастания в новую гражданскую войну. Мирное разрешение ситуации, юридически основанное на сенатской амнистии убийцам диктатора, не имело шансов. Главным в тех условиях становился контроль над армией, а значит, провинциями. Силы сторон мало-помалу поляризовались, Октавиан и Антоний принадлежали к одному лагерю, но между ними шла борьба за персональное лидерство среди цезарианцев.

Но в истории важны и интересны детали. Да и уже то значение, которое придавал сам Август событиям октября – ноября 44 г. до н. э., обязывает отнестись к ним более пристально, тем более что они проливают дополнительный свет на личность самого основателя принципата.

Пожалуй, главный вопрос, на который необходимо ответить: что все-таки толкнуло Октавиана на такую авантюру, как набор войск *privato consilio* и, как следствие, на то, чтобы переметнуться во вражеский лагерь? Противозаконные и откровенно бессовестные действия много лет спустя обернулись предметом гордости для Августа, а в оценке ряда современных исследователей стали верхом политического искусства: «Грозившая стать самоубийственной политика была основана на точном расчете» [8: с. 168]. Но так ли это?

Как известно, отъезду Октавиана в Кампанию непосредственно предшествовал ряд событий. 2 октября М. Антоний произнес на народной сходке резкую речь против заговорщиков, убивших Цезаря: по выражению Цицерона, «сказал о спасителях отечества то, что следовало бы сказать о предателях» (Cic. Fam. XII, 3, 2; перевод В. О. Горенштейна). Должно быть, среди слушателей было немало ветеранов армии Цезаря — центурионов и солдат, — на которых речь оказала совсем иное впечатление, чем на Цицерона. Они уже и раньше требовали от Антония оказать помощь Октавиану в мщении за смерть

Цезаря и наказании убийц (App. В. с. III, 32), а теперь убедились, что Антоний перешел на их сторону, и решили примирить его с Октавианом. Николай Дамасский пишет, что вначале ветераны договорились с Антонием и сопроводили его на Капитолий в храм Юпитера, а затем отправились за Октавианом (Nic. Dam. 116). Они заявили большой толпой в его дом, всех перепугав, а когда все счастливо разъяснилось, отвели его на Капитолий и помирили с Антонием (Nic. Dam. 117–119; App. В. с. III, 39). Если Антоний произносил речь на форуме, возле Капитолия, то вероятнее, что примирение состоялось в тот же день, сразу после сходки.

Однако вслед за этим Антоний разорвал отношения с Октавианом, обвинив его в подготовке покушения на свою жизнь (Cic. Fam. XII, 23, 2; Nic. Dam. Vita Caes. 123–129; Vell. II, 60, 3; Plut. Ant. 16; Suet. Aug. 10; App. В. с. III, 39). Это случилось, по словам Николая Дамасского, за три или четыре дня до отъезда Антония в Брундизий (Nic. Dam. Vita Caes. 129), а уехал он, по свидетельству Цицерона, 9 октября (Cic. Fam. XII, 23, 2). Значит, скандал с покушением случился примерно 5 или 6 октября.

Именно данный инцидент послужил поворотным моментом в развернувшейся далее борьбе за власть. При этом обвинение в организации покушения на высшее должностное лицо было очень серьезным. Достаточно указать, например, на быструю и безжалостную расправу с Амацием, осуществленную Антонием в марте в подобных же обстоятельствах — при попытке покушения на Брута и Кассия, являвшихся магистратами (App. В. с. III, 2–3).

Впрочем, часть исследователей скептически относится к обвинению против Октавиана, полагая, что оно было выгодно только Антонию, который хотел Октавиана дискредитировать [10: с. 15]. А. Голдсуорти, например, пишет: «Если смотреть на дело с практической точки зрения, то трудно понять, что именно молодой Цезарь выигрывал от устранения консула. Если он действительно создал заговор с целью убийства, то это лишний раз свидетельствовало о том, насколько наивно еще он мыслил в этом возрасте» [2: с. 121].

Однако в источниках на сей счет имеются разные мнения. Наиболее подробно рассказывает о покушении Николай Дамасский. Он старается доказать, что все подстроено самим Антонием, а Октавиан вел себя в этой неприятной ситуации в высшей мере благородно (Nic. Dam. Vita Caes. 123–129). По существу, эта версия и принята исследователями. Веллей Патеркул, как и следовало ожидать, называет выдвинутое Антонием обвинение «постыдной ложью» (Vell. Pat. II, LX, 3). Аппиан в целом не верит в то, что Октавиан готовил покушение, но перечисляет возможные варианты: Антоний искренне заблуждался; покушение действительно имело место; оно было притворством с обеих сторон; наконец, было выдумано Антонием (App. В. с. III, 39). Плутарх пишет, что причиной обвинения было суеверие Антония и слухи в городе, Октавиан оправдывался, но Антоний ему не верил (Plut. Ant. 16). И только Светоний

без колебаний указывает, что Октавиан по совету некоторых лиц подослал к Антонию наемных убийц (Suet. Aug. 10, 3).

Обоснованность обвинения была неясна даже современникам. Цицерон писал в середине октября после отъезда Антония из Рима: «Насчет этого большинству кажется, что Антонием преступление вымышлено, чтобы посягнуть на имущество юноши; однако проникательные и честные мужи и верят, что это произошло, и одобряют... Антоний... понимает, что он столь ненавистен, что он, хотя и схватил убийц у себя в доме, не осмеливается разгласить о событии» (Cic. Fam. XII, 23, 2; перевод В. О. Горенштейна).

Важно отметить следующее: в реальности произошел всего лишь скандал по поводу покушения. Антоний не предпринял действий правового характера, хотя Октавиан настойчиво требовал судебного разбирательства. Поскольку инцидент имел место сразу после примирения Антония с Октавианом на Капитолии, состоявшегося под нажимом центурионов, следовательно, скандал с покушением был выгоден Октавиану или Антонию в том случае, если их примирение было вынужденным и одной из сторон его было необходимо нарушить. При заключении соглашения уговариваемой стороной был Антоний, именно от него центурионы требовали примирения. Он в любом случае — имело место покушение или нет — воспользовался скандалом для разрыва отношений с Октавианом. Кроме того, уже Аппиан заметил, что убийство Антония не могло быть выгодно Октавиану, поскольку только Антоний был силой, сдерживавшей оптиматов (App. B. c. III, 39).

Но почему Октавиан вслед за этим уехал из Рима и решился на незаконные действия? Светоний предлагает ясный ответ на этот вопрос: потому что раскрылся его умысел убить Антония (Suet. Aug. 10). А вот Николай Дамасский и Аппиан, не считающие Октавиана организатором покушения, не указывают определенной причины, пишут достаточно туманно: согласно Николаю Дамасскому — ради собственной безопасности (Nic. Dam. Vita Caes. 131), согласно Аппиану — из опасения, что Антоний вернется из Брундизия с войском (App. B. c. III, 40). Но что объединяет всех троих, только что названных авторов, так это представление о том, что опасность для Октавиана исходила от Антония.

Но за что Антоний должен был непременно расправиться с Октавианом? Когда консул обвинил Октавиана в организации покушения, тот не испугался и отказался покидать Рим, несмотря на уговоры матери и отчима (Nic. Dam. Vita Caes. 126). Но стоило Антонию уехать из Рима в Брундизий, и Октавиан почувствовал себя в опасности.

Николай Дамасский, чей рассказ о покушении наиболее подробен, сообщает одну важную деталь, и здесь опять фигурирует Брундизий. Оказывается, Антоний считал, что покушение было задумано Октавианом, как только стало известно о его, Антония, решении отправиться в Брундизий навстречу прибывшим из Македонии легионам (Nic. Dam. Vita Caes. 128). Выходит, поездка

Антония к легионам была настолько опасна для Октавиана, что он был готов пойти на убийство консула. А вот как рассказывает о том же Аппиан: «Цезарь (т. е. Октавиан. — *Ф. М.*) узнал через посредство тайно отправленных уполномоченных, что войско в Брундизии и колонисты досадовали на Антония за то, что он забывал об убийстве Цезаря и что они придут к нему на помощь, если это будет возможно. Антоний отправился по этой же причине в Брундизий, а Цезарь, опасаясь, что он вернется с войском и застанет его беззащитным, отправился с деньгами в Кампанию, чтобы склонить города, заселенные его отцом, сражаться на его стороне» (App. В. с. III, 40; перевод О. О. Крюгера). Похоже описывает ситуацию Дион Кассий: «Когда Антоний отправился в Брундизий, чтобы встретиться с солдатами, которые прибыли из Македонии, Цезарь послал в этот город несколько человек с деньгами, которые должны были прибыть туда прежде Антония и уговорить людей перейти на его сторону, а сам отправился в Кампанию...» (Dio. XLV, 12, 1–2).

О том, что Октавиан еще до отъезда Антония в Брундизий через своих агентов вел пропаганду и занимался подкупом в армии, неоднократно сообщает Аппиан (App. В. с. III, 31; 43–44). Но подкуп солдат и офицеров с тем, чтобы они изменили воинскому долгу, — это было намного серьезнее, чем самовольный набор ветеранов в Кампании. По сути, это граничило с государственной изменой, призывом к мятежу, на что уже распространялся закон об оскорблении величества (Cic. Pro Cluent. XXXV, 97). Антоний непременно должен был узнать об этом, прибыв в Брундизий. Конечно, и дело о покушении не было закрыто. Антоний, вернувшись в Рим во главе вооруженной силы, мог снова поставить этот вопрос. Получается, что Октавиану в Риме оставалось просто в оцепенении ждать расправы.

Антоний по прибытии в Брундизий настойчиво искал подосланных Октавианом в легионы людей, так что дело дошло до децимации и даже просто кровавых расправ (App. В. с. III, 43; Cic. Phil., V, 12; Dio., 45, 13, 1–2). «Трудно сказать, чем в действительности были казни в Брундизии», — заметил в свое время Г. Ферреро [12: с. 75, сн. 1]. Но, конечно, они не могли быть вызваны тем, что Антоний, пообещав солдатам всего лишь по 400 сестерциев, вызвал возмущение и, чтобы его подавить, казнил центурионов в своем присутствии и на глазах своей жены, как пишет Дион Кассий (Dio. XLV, 13, 1–2; см. также: Cic. Phil. III, 4). Расправы были вызваны более серьезными причинами. Речь шла не о деньгах, а об измене воинскому долгу.

Сидеть и ждать в Риме возвращения Антония Октавиан не мог: Антоний шел в Рим с легионом Жаворонков и намерением объявить Октавиана врагом отечества. И Октавиан об этом знал. Николай Дамасский пишет, что называется, в точку: «Поскольку замыслы Антония стали явными, Цезарь, взвешивая все обстоятельства, признал, что ему не следует оставаться бездеятельным (это было связано с опасностью для него), но надо искать себе какую-нибудь

поддержку для противодействия силой злым умыслам Антония. Размышляя так, он пришел к решению уехать из Рима в колонии отца...» (Nic. Dam. Vita Caes. 131; перевод Е. Б. Веселаго).

Храбрость Октавиана, открыто выступившего против консула, объясняется, скорее всего, тем, что он имел точные и надежные сведения о настроении македонских легионов, знакомых ему по Аполлонии. Как было отмечено, еще до разрыва с Антонием он засылал в Брундизий своих людей. Шпионскими сведениями Октавиан поделился с Цицероном через своего посланца, привезшего письмо с первым извещением о том, что он приступил к набору войска (Cic. Att. XVI, 8, 2). Тем не менее вполне можно предполагать печальное завершение авантюры Октавиана, если бы не грубые просчеты Антония, который уже по пути в Брундизий казнил некоторых своих солдат, заподозрив в измене (Cic. Phil. XIII, 18), а прибыв к легионам, продолжил расправы, не найдя с солдатами общего языка. В результате два легиона, Марсов и Четвертый, двигавшиеся по приказу Антония вдоль побережья Адриатического моря к Равенне, перешли на сторону Октавиана (Cic. Phil. III, 6–7; IV, 6; Liv. Ep. 117; Vell. Pat. II, 61; App. В. с. III, 45; Dio. XLV, 13, 3). Это решило все.

Антоний прибыл в Рим, созвал сенат и только при входе на заседание узнал об измене легионов. По словам Аппиана, консул был настолько потрясен, что произнес краткую речь для отвода глаз, вовсе не о том, о чем собирался (App. В. с. III, 45). А собирался он, почти наверняка [4: с. 407], объявить Октавиана врагом отечества. Сделать это Антонию было гораздо проще, чем Цицерону в последующие месяцы добиваться того же в отношении самого Антония. Аппиан пишет, что Антония на войну провожал почти весь сенат, и многие клялись в верности вместе с войском. Аппиан в связи с этим иронично заметил: «можно удивляться, кто же были те, кто еще так недавно на созванном Цезарем собрании поносил Антония» (App. В. с. III, 46; перевод О. О. Крюгера). После отбытия Антония под Мутину для войны с Децимом Брутом в сенат пришло донесение от Октавиана о том, что и он закончил комплектование и объединение всех сил, готовых оказать помощь Дециму Бруту. Донесение вызвало радость и одобрение сената. «И здесь можно было недоумевать, кто же были те, кто сопровождал Антония» (App. В. с. III, 47).

Подкуп офицеров и солдат был опасным деянием, по сравнению с которым самовольный набор ветеранов в кампанских городках выглядит едва ли не мелким нарушением, о котором Цицерон в те дни сказал в сенате «ведь он не мог сделать иначе» (Cic. Phil. III, 5; см. также: 5: с. 246). Набор войск *privato consilio* можно было не скрывать, этим можно было даже гордиться. Н. А. Машкин в связи с этим отмечал: «В тех случаях, когда государство находилось в опасности, лучший, идеальный гражданин мог по своей инициативе, по частному своему побуждению выступить в его защиту. Так поступил, например, легендарный Брут, освободивший республику от Тарквиния Гордого» [6: с. 323].

Но о подкупе и инспирировании мятежа легионов лучше было забыть. И, вероятно, неслучайно Николай Дамасский рассказывает о посылке Октавианом лазутчиков в Брундизий к войскам, относя это только к тому времени, когда Октавиан уже находился в Кампании в окружении завербованных ветеранов и прочих лиц (Nic. Dam. Vita Caes. 139). И кто знает, откуда Светоний почерпнул твердую уверенность, что Октавиан подослал к Антонию наемных убийц?

Литература

1. *Борухович В. Г.* После мартовских ид 44 г. до н. э. (исторический очерк) // Античный мир и археология. Вып. 5. Саратов, 1983. С. 123–154.
2. *Голдсуорти А.* Октавиан Август / пер. с англ. А. Короленкова. М.: АСТ, 2018. 608 с.
3. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: ЛГУ, 1985. 225 с.
4. *Егоров А. Б.* Юлий Цезарь. Политическая биография. СПб.: б/и, 2014. 548 с.
5. *Любимова О. В.* Наследие популяров в политике Августа (по Res Gestae Divi Augusti) // Исторический вестник. Рим: dominatio civilis / под общ. ред. А. Л. Смышляева. Т. 19. М.: Руниверс, 2017. С. 226–291.
6. *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: АН СССР, 1949. 687 с.
7. *Межеричкий Я. Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Москва; Калуга: КГПУ, 1994. 443 с.
8. *Межеричкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
9. *Парфенов В. Н.* Начало военно-политической карьеры Октавиана // Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 104–124.
10. *Парфенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 148 с.
11. *Токарев А. Н.* Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков: Харьковский национальный ун-т им. В. Н. Каразина, 2011. 267 с.
12. *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. Т. III–V. 2-е изд. СПб.: Наука, 2008. 746 с.
13. *Чеканова Н. В.* Римская диктатура последнего века республики. СПб.: Гуманитарная академия, 2005. 480 с.

Literatura

1. *Boruxovich V. G.* Posle martovskix id 44 g. do n. e'. (istoricheskij ocherk) // Antichny'j mir i arxeologiya. Vy'p. 5. Saratov, 1983. S. 123–154.
2. *Goldsuorti A.* Oktavian Avgust / per. s angl. A. Korolenkova. M.: AST, 2018. 608 s.
3. *Egorov A. B.* Rim na grani e'pox. Problemy' rozhdeniya i formirovaniya principata. L.: LGU, 1985. 225 s.
4. *Egorov A. B.* Yulij Cezar'. Politicheskaya biografiya. SPb.: b/i, 2014. 548 s.
5. *Lyubimova O. V.* Nasledie populyarov v politike Avgusta (po Res Gestae Divi Augusti) // Istoricheskij vestnik". Rim: dominatio civilis / pod obshh. red. A. L. Smyshlyayeva. T. 19. M.: Runivers, 2017. S. 226–291.

6. *Mashkin N. A.* Principat Avgusta. Proisxozhdenie i social'naya sushhnost'. M.; L.: AN SSSR, 1949. 687 s.
7. *Mezhericzkiy Ya. Yu.* «Respublikanskaya monarxiya»: metamorfozy' ideologii i politiki imperatora Avgusta. Moskva; Kaluga: KGPU, 1994. 443 s.
8. *Mezhericzkiy Ya. Yu.* «Vosstanovlennaya respublika» imperatora Avgusta. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2016. 992 s.
9. *Parfenov V. N.* Nachalo voenno-politicheskoy kar'ery' Oktaviana // Antichnyj mir i arheologiya. Vy'p. 4. Saratov, 1979. S. 104–124.
10. *Parfenov V. N.* Rim ot Cezarya do Avgusta. Ocherki social'no-politicheskoy istorii. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1987. 148 s.
11. *Tokarev A. N.* Stanovlenie oficial'noj ideologii principata imperatora Avgusta. Xar'kov: Xar'kovskij nacional'ny'j un-t im. V. N. Karazina, 2011. 267 s.
12. *Ferrero G.* Velichie i padenie Rima. T. III–V. 2-e izd. SPb.: Nauka, 2008. 746 s.
13. *Chekanova N. V.* Rimskaya diktatura poslednego veka respubliki. SPb.: Gumanitarnaya akademiya, 2005. 480 s.

F. A. Mikhailovsky

Octavian in October 44 B. C.: Recruitmnt of Troops Privato Consilio

The article is devoted to the events of the fall of 44 B.C., which the emperor Augustus saw as the beginning of his political career, when he, on his own initiative and with private funds (*privato consilio et privata impensa*), recruited an army and entered into battle with consul M. Anthony. The author finds out the immediate causes of this famous adventure.

Keywords: Octavian; Mark Antony; principate.